

**Б. М. КОЧАКОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
РУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АКТА XIX в.**

Борис Михайлович Кочаков (1906—1964) оставил заметный след в отечественной историографии благодаря своим исследованиям по истории русской культуры XIX в., армии, военно-педагогического образования. Однако наибольшую ценность представляют, на наш взгляд, его работы 1937—1941 гг., посвященные источниковедению русского законодательного документа. Они не утратили своего значения и по сей день, содержат много важных и интересных наблюдений, в том числе и спорных, и заслуживают того, чтобы стать предметом специального рассмотрения, тем более что Б. М. одним из первых обратился к изучению документов XIX в. и многое из написанного им осталось неопубликованным.

Занятия Б. М. источниковедением были прерваны войной. Он стал преподавателем истории ВКП(б) на стрелково-пушечных курсах, а после войны был поглощен административной и педагогической деятельностью.

Борис Михайлович родился в семье сельского учителя, в 1924—1928 гг. он учился в Саратовском университете, затем перешел в Ленинградский. Своими учителями Б. М. считал Б. Д. Грекова и С. Н. Валка. После окончания Университета в 1930—1934 гг. работал в Ленинградском отделении Цетрархива, где, как писал в характеристике Бориса Михайловича С. Н. Валк, «выдвинулся как один из лучших знатоков архивоведения в Ленинграде».¹ В это время Б. М. занимался историей Петроградского гарнизона и в 1917 г. Трудно сказать, тогда или позднее началась деятельность Б. М. как источниковеда законодательного акта, но, несомненно, что знание архивного дела значительно повлияло на методы его исследования.

В 1934 г. Б. М. перешел на работу в Институт книги, документа и письма, преобразованный затем в сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории Академии наук. В своей автобиографии, относящейся к 1935—1937 гг., Б. М. писал о работе в ИКДП: «...здесь занимался, главным образом, разработкой истории и источниковедения русского законодательного документа 19—

¹ СИБ, ФА РАН, ф. 133, оп. 3, д. 94, л. 9.

20 вв.: проблемой, на мой взгляд, одной из важнейших в наших вспомогательных исторических дисциплинах. Первая часть работы <...> печатается, вторая <...> ждет своего издания. Дальнейшая разработка темы пока свернута — главным образом, вследствие обостренного, хотя и продиктованного не научными, а чисто психологическими соображениями, недоверия руководства сектора к темам нового времени <...>. В настоящее время занимаюсь законодательным документом 18 века, ближайшим образом — разбором полного собрания законов с точки зрения его полноты, текстовальной и дипломатической достоверности. Кроме того, составляю библиографию печатных указов 18 в.»² Б. М. сетовал на трудность окончания работы в области источниковедения XIX в.: «...здесь многое уже сделано, собраны уже большие материалы, но завершить все это во шкеслужбное время не хватает ни времени, ни сил».³

Источниковедческое изучение законодательных и делопроизводственных документов XIX—XX вв. действительно не поощрялось руководством академической науки. Несмотря на существование двух общероссийских научных центров, в сферу деятельности которых входило и изучение вопросов источниковедения (Историко-архивный институт и ИКДИ), перед исследователями не ставилась задача источниковедческого изучения документов XIX—XX вв.⁴ Против такого отношения к изучению документов XIX—XX вв. решительно выступил С. Н. Вайк на заседании Ученого совета Ленинградского отделения института истории Академии наук СССР (ЛОИИ), где в феврале 1941 г. проходила защита диссертации Б. М.: «...в нашей исторической науке (дореволюционной и после-революционной) установилась определенная точка зрения, обусловленная, отчасти, и тематикой, что источники нового времени особой трудности для изучения не представляют. В частности, нужно сказать, что даже в Ленинградском университете, отличающемся от других российских университетов тем, что он работал по изучению источников начиная с шестидесятых годов, и вообще исследования его были поставлены чрезвычайно внимательно и тщательно, не в пример другим университетам, все же не уделял источникам XIX века должного внимания. И не только у нас, но и на Западе работа в области изучения источников <...> до последних лет ограничивалась изучением источников древней истории».⁵ Несомненно то, что Б. М. именно под влиянием С. Н. Вайка приступил к изучению русского законодательного акта XIX в. Б. М. и в дальнейшем опирается на профессиональный опыт своего учителя.

В 1937 г. вышел в свет сборник «Вспомогательные исторические дисциплины» (издание Академии наук), в котором была помещена статья Б. М. «Русский законодательный документ XIX—XX вв.». Б. М. писал, что статья представляет собой часть более обширной работы по источниковедческому изучению официального документа этого времени. В 1940 г. в журнале «Архивное дело» Б. М. помещ-

² Там же, л. 93, л. 5—6.

³ Там же, л. 6.

⁴ См. Шеняева Л. Е. Изучение делопроизводственных документов XIX—начала XX в. // ВПД. Т. 1. Л., 1967. С. 121.

⁵ СПБ. ФА РАН, ф. 133, оп. 3, л. 94, л. 32 об.—33.

тил статью «Законодательные материалы как исторический источник», посвященную, главным образом, Полному собранию законов (ПСЗ), а в 1941 г. в «Ученых записках Ленинградского государственного университета» — статью «Государственный совет и его архивные материалы».⁶ Все эти статьи были извлечением из подготовленной Б. М. кандидатской диссертации «Источниковедение русского законодательного акта XIX века»,⁷ значительная часть которой так и осталась неопубликованной. Б. М. продолжил также работу по выявлению и описанию не попавших в ПСЗ законодательных актов 1714—1741 гг. (рукопись не была опубликована и до сих пор не найдена, но частично использована Б. М. при подготовке диссертации). В 1940 г. Б. М. опубликовал статью о Новгородской судной грамоте,⁸ а также подготовил к публикации текст Устава князя Всеволода.⁹

Защита кандидатской диссертации Б. М. вызвала большой интерес коллег (сохранились протоколы заседаний и отзывы оппонентов). Официальными оппонентами выступили С. Н. Вайк и М. Н. Ахун, в диспуте участвовали В. Г. Гейман, Ш. М. Левин, А. В. Предтеченский, Н. Ф. Лавров. Все они признали несомненную ценность диссертации Б. М., отметили, что она «восполняет весьма существенный пробел нашей исторической и юридической литературы».¹⁰

Сложность изучения законодательного акта состоит в том, что он может подлежать оценке как с точки зрения юридической, так и с точки зрения источниковедческой. С этой проблемой столкнулся и Б. М.

Определение закона и его видов содержится в тексте Основных законов Российской империи.¹¹ Отвращаясь на него, дореволюционные юристы считали главным признаком закона факт утверждения его царем (отличные точки зрения — например, А. Д. Градоуского и Н. М. Коркунова — были единичны). При выделении разновидностей закона ими использовалась та же схема, разработанная М. М. Сперанским.¹² В определении различных форм законодательного акта ученые старались зафиксировать его содержание (выражено в формулировке уложения, устава, учреждения, грамоты, положения, наказа) или происхождение (манифест, указ, мнение Государственного совета и доклад, удостоенные высочайшего утверждения). Поставив цель источниковедческого изучения законодательного акта, Б. М. попытался дать соответствующее определение за-

⁶ Архивное дело. 1940. № 3. С. 17—32; Ученые записки ЛГУ. 1941. Сер. ист. наук. Вып. 8. С. 75—105.

⁷ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 276, оп. 2, л. 75. Мы благодарны Т. Н. Жуковской, указавшей нам на эту диссертацию.

⁸ Ученые записки Педагогического института им. М. Н. Погодина. Т. 5, вып. 1. Л., 1940. С. 9—23.

⁹ Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 276, оп. 2, л. 162.

¹⁰ СПб. ФА РАН, ф. 133, оп. 3, л. 94, л. 16.

¹¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Основные законы и Учреждения государственные. VIII. О законах. СПб., 1835.

¹² См.: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

кона и его видов. Соглашаясь с мнением «старых юристов», Б. М. считал единственным признаком закона санкцию царя, но добавлял также, что имеет в виду «ближайшим образом распоряжения, помещенные в ПСЗ».¹³ Это добавление, думается, не вполне оправдано и с правовой точки зрения (факт помещения акта в ПСЗ не придавал ему юридической действительности), и с точки зрения источниковедческой (способ публикации акта не является классификационным признаком).

В применении к данному виду источников Б. М. считал изучение равновидностей не имеющим существенного значения. Тем не менее он предложил свою группировку равновидностей акта. Б. М. писал, что попытка М. М. Сперанского «приурочить к законодательным формам определенное им одним свойственное содержание оказалась безуспешной». Б. М. не склонен был относить уложение к особой форме законодательного акта. Учреждения, уставы и наказания были, с его точки зрения, совсем неотделимы друг от друга. Не являясь самостоятельной равновидностью акта и положение: «Поэтому больший интерес для историка законодательного документа представляет группировка законов по путям их происхождения и способам издания», — считал Б. М.¹⁴

Б. М. делил законодательные акты на высочайшие утвержденные мнением Государственного совета; положения Комитета и Совета министров; положения специальных комитетов и советов; утвержденные доклады министров, главноуправляющих и других должностных лиц; высочайшие повеления, объявленные министрами, главноуправляющими и другими должностными лицами; указы; манифесты; рескрипты, министерские приказы и циркуляры; сенатские разъяснения. Едва ли возможно приращение к различным формам проявлявшей законодательной власти министерских циркуляров и сенатских разъяснений, тем более что это противоречит данному Б. М. определению законодательного акта как положения, утвержденного царем. Не придавая значения проблеме различия закона и административного распоряжения, Б. М. объяснял это тем, что на практике министерские циркуляры и сенатские разъяснения имеют большую силу. Нам кажется, что, систематизируя акты, целесообразнее было бы отделить различные формы проявления административной власти и официальные дополнения и толкования законов от законодательных актов как таковых.

Наиболее значимой частью источниковедческого исследования является определение происхождения источника. Б. М. проследил путь, который проходит закон от момента инициативы до обнародования. Обратимся к некоторым содержащимся в работе Б. М. примерам, которые относятся, в основном, к периоду «великих реформ» — 50—60-м годам XIX в. Это — не произвольный наш выбор: в исследовании самого Б. М. указанному периоду «наибольшей борьбы за законность» уделено много внимания. Вместе с тем необходимость дальнейшего изучения методов законотворчества этого времени очень велика — именно тогда наиболее ярко проявились основные черты российского законодательства XIX—XX вв.

¹³ Архив СПб. ФНИИ РАН, ф. 276, оп. 2, д. 75, л. 15.

¹⁴ Там же, л. 261—269.

Законодательному почину (инициативе) в русской юридической литературе не уделялось достаточно внимания. Б. М. впервые серьезно подошел к этой проблеме и дал исчерпывающую характеристику общественной, частной и официальной инициативе. Более спорными и более интересными, на наш взгляд, являются главы диссертации Б. М., посвященные дальнейшим стадиям разработки закона — обсуждению, утверждению и обнародованию.

Характеризуя стадию составления и обсуждения законопроекта, Б. М., прежде всего, показал роль в этом процессе различных комитетов, комиссий, заинтересованных ведомств и общественности — этот вопрос освещен в его статье «Русский законодательный документ XIX—XX вв.». Деятельность другой группы участников подготовки проекта — т. е. консультационных учреждений (II-го отделения собственной с. п. в. канцелярии и Министерства юстиции) — не была затронута в статье, но освещена в диссертации.

Оценивая значение консультационных учреждений, Б. М. писал: в законодательной практике их отзывы «имели весьма широкое применение. Количество заключений, данных и II отделением, и Министерством юстиции, весьма велико».¹⁵ Прохождение проекта через II отделение было обязательным только в течение нескольких лет. В 1862 г. этого добился главноуправляющий II отделения барон М. А. Корф. Даже в случае несогласия ведомств и Государственного совета с мнением II отделения окончательная редакция закона должна была быть согласованной с его отзывом. «Такой сложный порядок был задуман как средство для достижения единства законодательных работ и к ликвидации самоуправства министерств: старая идея Корфа и других сторонников самодержавия на базе строгой законности». «Но уже в 1866 году, когда редакция покончила со всеми разговорами о строгой законности, когда все проекты Корфа пошли прахом и сам он был удален от дел, — правило это было отменено и присылка проектов во II отделение снова предоставлена собственному усмотрению министров»¹⁶ — так кратко охарактеризовал деятельность II отделения Б. М.

Действительно, в начале 60-х годов XIX в. идея необходимости реформирования процесса законопроектирования была очень распространена среди бюрократов, причем большинство из них немало важную роль отводило II отделению, которое, не имея официального права участия в разработке законодательных проектов, на практике активно консультировало ведомства при подготовке закона. Например, один неизвестный автор писал в 1861 г. в записке, хранящейся среди бумаг Д. Н. Блудова: «В настоящее время редкие лишь из г.г. министров вносят в Государственный совет проекты, изготовленные в департаментах без предварительного о том сношения со II отделением. Проекты министров, предвигающихся прямо обращаться в Государственный совет, почти все без исключения претрываются Советом на предварительное заключение II отделения. Этот факт доказывает, что законодательная практика почувствовала потребность в такого рода совещательном учреждении, хотя нет никакого органического закона, который бы предоставил

¹⁵ Там же, л. 55.

¹⁶ Там же, л. 56.

бы II отделению такой круг действия».¹⁷ Автор проекта предложил создать новое специальное учреждение путем присоединения II отделения к Государственному совету. Кстати, эта идея серьезно обсуждалась в 1867 г., как видно из письма кн. С. Н. Урусова в. кн. Константину Николаевичу с запросом о созыве особого совещания для обсуждения способов сближения деятельности II отделения с деятельностью Государственного совета.¹⁸ В фонде Д. М. Сольского, служившего во II отделении, хранятся также проекты слияния этих двух учреждений (замысел был реализован в 1882 г.).¹⁹

В 1862 г. барон М. А. Корф обратился к Александру II со всеподданнейшим докладом, в котором предложил закрепить установившийся на практике порядок обсуждения законопроектов. Предложение было одобрено и утверждено царем. II отделение получило официальный статус консультационного учреждения. Главноуправляющий отделением барон Корф был умным и опытным бюрократом. Как свидетельствовали современники, а также исследователи реформ, позиция Корфа часто основывалась на честолюбивых стремлениях, желавши взять дело в свои руки, сосредоточив подготовку реформ во II отделении.²⁰

В 1866 г. по всеподданнейшему докладу нового главноуправляющего II отделением гр. В. Н. Панина обязательная присылка законопроектов была отменена. В литературе сложилось мнение, будто Панин уничтожил все сделанное М. А. Корфом, но нужно заметить, что и в период управления Панина отделение так же активно участвовало в законодательном процессе. Служивший в то время во II отделении К. Ф. Головин, например, писал о том, что «роль второго отделения была очень почтена», причем в нем царил весьма либеральный дух, так что Головин называл его «жюльетто парламент». ²¹ Изменение роли II отделения произошло лишь со сменой В. Н. Панина кн. С. Н. Урусовым в апреле 1867 г.

Говоря о роли второго консультационного учреждения — Министерства юстиции, Б. М. приводит данные, свидетельствующие о значительном числе законопроектов, которые были присланы в министерство в 1905—1914 гг. Следует отметить, что и ранее Министерство юстиции выступало в качестве претендента на роль главного консультационного учреждения. Однако более популярной в правительственных кругах была другая идея — сосредоточить подготовку законопроектов в административном Сенате, чье право на участие в законотворчестве было закреплено в его Учреждении. Б. М. не коснулся этого сюжета, хотя ему был известен один из проектов восстановления прав 1-го Департамента, представленный министром юстиции Д. Н. Замятиным в 1865 г. Проект содержал предложение о предоставлении Сенату права служить промежуточным звеном, через которое должны были проходить все законодательные инициативы от министерств в Государственный совет. Про-

¹⁷ РГИА, ф. 1250, оп. т. XVI (отд. бумаг Д. Н. Булунова), л. 4, л. 2.

¹⁸ Там же, ф. 694, оп. 2, д. 9.

¹⁹ Там же, д. 133—135.

²⁰ См.: *Коротких М. Г.* Самоуправление и судебная реформа в России. Воронеж, 1987. С. 112.

²¹ *Головин К. Ф.* Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 1908. С. 159.

ект Замытвина подвергся критике при обсуждении его в Комитете министров и был отвергнут.²²

Обсуждению законопроектов в Государственном совете Б. М. посвятил статью «Государственный совет и его архивные материалы». Б. М. проследил изменение роли Государственного совета в зависимости от общей политической обстановки с 1810 г. до 1906 г., а также изучил его структуру. Особое внимание Б. М. уделил самой значительной из попыток расширить законосовещательные полномочия Совета — проекту М. А. Корфа «Об отделении в нашем законодательстве собственно законов от распоряжений административных» 1862 г.²³ Б. М. предупредил, что в своей статье он затронет лишь те стороны проекта, которые касаются Государственного совета. Однако записка М. А. Корфа представляет собой не только один из эпизодов спора вокруг компетенции учреждения, но и интереснейший пример замысла государственной реформы. Причина неопределенности функций Государственного совета заключалась в двусмысленности формулировки одной из статей его Образования: «Все законы предлагаются и рассматриваются в Государственном совете». Как писал Б. М., истинными защитниками законодательного приоритета Государственного совета были сторонники как конституционной формы правления, так и т. н. законного самодержавия. И тем и другими противостояла более консервативная часть бюрократии.

Поводом для возбуждения вопроса о функциях Государственного совета в 1858 г. было значительное переполнение свода законов старыми, «обветшалыми постановлениями». Для того чтобы привести Свод законов в соответствие с современным уровнем государственной жизни, М. А. Корф предложил сделать некоторые редакционные изменения в Своде, а также установить на будущее принципы, разделяющие закон и распоряжение. По его мнению, различие между законом и распоряжением достигалось практическим путем, т. е. установлением определенного обряда утверждения закона. В статье Б. М. процитированы предложенные Корфом правила, согласно которым законом считались лишь положения, прошедшие обсуждение в Государственном совете и утвержденные царем, или же манифесты и указы императора, скрепленные государственной печатью.²⁴ Остальные акты Корф рассматривал как административные распоряжения, подлежащие компетенции Комитета министров.

Трактовка Б. М. этой записки сводится к выводу о стремлении М. А. Корфа к «значительному <...> увеличению удельного веса Государственного совета»,²⁵ а разногласия Корфа с другими министрами представляются Б. М. как борьба двух тенденций: утверждающей законосовещательные полномочия Государственного совета и

²² РГА, ф. 1149, оп. 6, 1867 г., л. 107, а. 42 об.—43 об.

²³ Проект М. А. Корфа был хорошо известен дореволюционным ученым, но Б. М. наиболее полно осветил его и привлек к нему внимание исследователей (см. Ремес А. В. Проблема «указа и закона» в пореформенной России // ВИД. Т. XVIII, № 1, 1987, с. 175—190; Рыбачев Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века М., 1986, с. 73—77 и др.).

²⁴ Ученые записки ЛГУ, 1941, Сер. ист. наук, Вып. 8, с. 82—83.

²⁵ Там же, с. 83.

сей противоположной.²⁶ Однако в ходе обсуждения проекта были затронуты проблемы публикации законодательных актов и издания свода законов,²⁷ разделение сферы закона и административного распоряжения. Кроме того, были высказаны соображения о методах реформирования законодательства. Так, ряд министров настаивал на переосмотре всего свода законов, составлении новых уложений, в которых будут зафиксированы предпринятые и предполагаемые преобразования. Этому придерживался новый управляющий отделением гр. В. Н. Панин. В 1864 г. II отделение приступило к разработке плана переделки всего свода законов — для этого ведомству прислали составленные ими программы предполагаемых реформ: данные материалы содержат чрезвычайно ценную информацию, поскольку свидетельствуют о больших реформаторских замыслах правительства в 1866—1867 гг.²⁸ Кстати, это был не первый случай, когда новая кодификация законов рассматривалась как один из способов реформирования целой отрасли законодательства. Например, один неизвестный автор в 1855—1856 гг. в записке «О причинах чрезмерного развития бюрократизма» предлагал реформировать систему государственных органов, зафиксировав предполагаемое изменение в новом издании свода. Однако бывший в то время главой II Отделения гр. Д. Н. Блудов не согласился с ним, заметив, что «Свод — это лишь систематическое изложение существующих законов, а не способ усовершенствования».²⁹

В 1864—1866 гг. началось составление правил о рассмотрении наказов и других административных постановлений. Правда, эта проблема уже успешно решалась на практике — при составлении законопроектов реформаторы определяли, что должен регламентировать закон, а что — указы и инструкции (яркий пример — в материалах по земскому общественному устройству: выписка из утвержденных мнений Государственного совета, относящихся к отделению общих начал закона от частных правил).³⁰

Разработка вопроса была прервана в 1867 г. со сметой гр. В. Н. Панина ил. С. Н. Урусовым, который считал разделение закона и распоряжения невозможным, а саму идею — опасной для самодержавия.

О записке М. А. Корфи стало известно в обществе — с этого момента начинается бурное обсуждение проблемы указа и закона в научной литературе, публицистике. Например, К. Д. Кавелин, который узнал от своего близкого друга Д. А. Милошина о готовящемся обсуждении вопроса, написал по его просьбе в 1862 г. записку о различии законов и постановлений. В следующем году другая его статья «Что желательней для России: нового свода законов или уложения» была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях».³¹ Полемика

²⁶ Там же. С. 79.

²⁷ См.: Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века. С. 73—77.

²⁸ РГИА, ф. 1261, оп. 2, л. 956.

²⁹ Цит. по: Шумилов А. М. Местное управление и централизованные власти в России 50—начало 80-х годов XIX века. М., 1991. С. 31—32.

³⁰ Материалы по земскому общественному устройству. Т. 1. СПб., 1885. С. 269—282.

³¹ Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1900. Стб. 748—759, 903—921.

по вопросу о кодификации нашли яркое отражение в историко-юридической литературе, посвященной истории составления Свода 1832 г. В споре о том, какими были замыслы М. М. Сперанского и как они были реализованы, одни (М. М. Вишнев, Г. Ф. Шершеневич) утверждали, что Свод является кодексом, другие (их было большинство — М. А. Корф, С. В. Пахман, А. Ф. Бычков и т. п.) считали, что Свод мыслился как ступень в подготовке кодекса, который так и не был создан.³² Некоторые авторы призывали за Сводом законную силу, а другие — нет. Н. М. Коркунов же считал, что Свод не является ни incorporationem, ни кодификацией, а аутентичным толкованием законов царем.³³ В дальнейшем количество работ, посвященных этим проблемам, все увеличивалось: вопросы о законе и указе, о кодексе и уложениях стали общим местом в публицистике, даже в программах и проектах общественных организаций и деятелей. К сожалению, политический аспект развития законодательства во второй половине XIX в. был оставлен Б. М. почти без внимания.

«Единство законодательного пути», к которому стремилось правительство, требовало установления строгого порядка опубликования законов и контроля за их обнародованием. Данный вопрос тщательно разрабатывал Б. М., но этот ценный труд остался практически неисследованным. Опубликованы лишь главы, посвященные ПСЗ.

Обнародование являлось необходимым условием введения закона в действие. Для этого все ведомства должны были присылать акты в Сенат — «хранилище законов», и Сенат имел право указывать на замеченные противоречия с другими постановлениями и прочие нарушения. Эти правила выполнялись далеко не всегда — ведомства не представляли законы и тем более циркуляры в Сенат, предпочитая самостоятельную публикацию постановлений в ведомственных изданиях. Б. М. подробно охарактеризовал попытки Сената и II отделения собственной е. и. в. канцелярии пресечь эти нарушения. Незаконно опубликованные в каких-либо изданиях акты, не обнародованные через Сенат, лишались законной силы, ведомства нередко отказывали в помещении подобных постановлений в ПСЗ. Однако нам кажется спорным утверждение Б. М. о том, что стремления Сената к монополии в опубликовании были обусловлены единственно меркантильными соображениями этого учреждения. Думается, что они связывались с обескуражившей проблемой о введении единого для всей империи принципа обнародования законодательных актов и определения момента, когда закон обретает силу в различных губерниях России.

Оценивая качество издания Сенатских ведомостей, Собрания узаконений и распоряжений правительства, Б. М. показал, что критика противников монополии сенатских изданий была обоснованной — они страдали большим количеством ошибок, неполнотой и другими пороками. Одно из приложений к диссертации посвящено характеристике всех видов ведомственных изданий законов — трудно переоценить практическое значение этого труда.

³² Кассо Л. А. К истории Свода законов гражданских // Журнал министерства юстиции. 1904. № 3. С. 56—57.

³³ Коркунов Н. М. Значение Свода законов // Коркунов Н. М. Сборник статей. СПб., 1898. С. 71—96.

Особую главу диссертации Б. М. посвятил ПСЗ (жестко, С. Н. Вазик больше всего ценит именно эту часть работы Б. М.). Как подчеркнул Б. М., внешняя история ПСЗ в литературе изучена довольно обстоятельно. Б. М. проанализировал полноту и точность опубликованных в этом сборнике постановлений, принципов отбора актов, видов и причин кодификационных ошибок, а также взглядов бюрократических кругов на значение ПСЗ. Как указывалось выше, Б. М. провел огромную работу по выявлению законодательных актов, не попавших в ПСЗ, и составил библиографию печатных указов XVIII в. Кроме того, в его планы входило составление дополнений к собранию.

Кодифици Б. М. указал на то, что в диссертации отсутствует характеристика свода законов. Существующая юридическая и историческая литература, публицистика, а также многочисленные примеры обсуждения содержания, значения и дальнейшей судьбы свода свидетельствуют о важности и неразработанности вопроса. Однако Б. М. признал, что проблема кодификации чрезвычайно сложна. «Не желая ограничиваться только словами, я этот вопрос отложил на дальнейшее», — сказал диссертант.⁴⁴

На защите диссертации Б. М. с критическим отзывом выступил А. В. Предтеченский. Он упрекнул Б. М. в недостатке историзма.⁴⁵ Действительно, в диссертации отсутствует вывод об основных тенденциях развития методов законодательства в XIX в., о значении этой проблемы для государственного строя России.

Как известно, среди сторонников государственного преобразования XVIII—XIX вв. выделялись приверженцы конституционных планов, выступавших за политическую реформу основ строя, а также «закононого самодержавия». В 50—60-х годах XIX в. и те и другие идеи приобрели большую популярность и среди бюрократии. Одним из основных принципов концепции «закононого самодержавия» состоял в стремлении к единству законодательного пути. Мы видели, как последовательно пытались провести в жизнь этот принцип на всех стадиях подготовки, принятия и введения в силу закона его сторонники. Они стремились, во-первых, определить грань между законом и административным распоряжением по форме издания или по содержанию, во-вторых, сосредоточить подготовку проекта внутри одного консультационного учреждения, окончательное обсуждение проводить в Государственном совете (эти меры свели бы на нет ведомственные влияния и ведомственный сепаратизм), наконец, установить единообразную форму утверждения закона, а обнародование осуществлять посредством издания Сената, производящего контроль за законодательством.

Это далеко не полный перечень предполагаемых и частично осуществленных мер, призванных установить единообразный законодательный процесс и таким образом способствовать достижению идеала государства, управляемого на основании законов.

Заслуга Б. М. состоит в том, что он впервые поставил проблему исследования законодательного акта XIX в., но недостаточно полно раскрыл и интерпретировал некоторые рассмотренные им документы.

⁴⁴ СИБ, ФА РАН, ф. 133, оп. 3, л. 94, л. 35 об.—36.

⁴⁵ Там же, л. 28.

Чтобы оценить значение труда Б. М. Кочакова, необходимо учитывать положение, сложившееся в отечественной исторической науке в 20-х—начале 40-х годов.³⁶ Особое место в русской историографии занимала петербургская школа ученых. Традиции источниковедческого исследования, заложенные в XIX в. Н. С. Кутургой, К. Н. Бестужевым-Рюминым, В. Г. Васильевским, были развиты в трудах С. Ф. Платонова, А. С. Лагио-Давилевского, Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова, сочетавших скрупулезное изучение документа с глубоким анализом исторического процесса.³⁷ Выстоявшая испытания революционных лет и обогащаясь новыми именами молодых историков — С. Н. Волка, А. Н. Шебунина, Б. А. Романова и др., в конце 20-х годов петербургская школа стала объектом нападок со стороны тех, кто стремился насадить официальную идеологию в изучении истории. Кампания, развернутая М. Н. Покровским, продолжившая ее серия политических процессов против историков нанесли тяжелейший удар отечественной науке. Их последствия проявились в том, что в конце 20-х—30-е годы в некоторых областях исторической науки, в частности в источниковедении, исследования проводились значительно реже и менее глубоко. Лишь в конце 30-х стали возрождаться некоторые традиции петербургского источниковедения. Появление в 1938—1941 гг. работ Б. М. Кочакова явилось одним из признаков этого процесса. Воспринявший от своего учителя С. Н. Волка особое отношение к источнику, свойственное «петербуржцам», Б. М. в то же время обратился к неисследованным проблемам. В развитии традиционных методов исторического исследования и новом их применении состоит заслуга Б. М. Кочакова.

³⁶ См.: Антонец Е. В. О постыomingаниях Н. С. Штакельберг // In memoria: Ист. сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М., СПб., 1995. С. 80.

³⁷ См.: Вайс С. П. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды ИГУ: Труды юбилейной научной сессии. Л., 1948. С. 3—19.